

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.
А46 Кольцо княжны Таракановой : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-208669-4

По легенде, у княжны Таракановой было необыкновенное кольцо, обладающее магическими силами. Оно могло влиять на характер своей владелицы...

В наше время старинное кольцо попадает в руки робкой учительницы Ани, которая решает укрыться от жестокого мужа у Даши, племянницы ее доброжелательной соседки. Однако приезжает к Даше совсем не застенчивая девушка, а весьма смелая дама. И странности на этом не заканчиваются! Однажды Даша возвращается домой и находит в шкафу убитого Аниного мужа! А таинственной гостьи и след простыл. Кто убил мужа и что он делал в Дашиной квартире? Девушка отправляется на поиски и выясняет, что гостьей была вовсе не Аня, а выдававшая себя за нее незнакомка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-208669-4

© Александрова Н.Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

П

оезд замедлил ход и остановился. Молодая женщина отдернула занавеску и осторожно выглянула в окно.

За окном была какая-то небольшая станция — серый бетонный перрон, унылое серое здание с неразборчивым названием этого райского местечка. Где-то на заднем плане виднелись невзрачные пристанционные постройки, тополя в пожелтой листве. Моросил мелкий дождь, и под этим дождем к поезду торопливо шла единственная пассажирка в плаще с поднятым воротником, с клетчатым чемоданом на колесиках.

Еще на перроне были пожилой железнодорожник с флажком в руке, бабка с кастрюлей свежих пирожков, безуспешно пытавшаяся сбыть их кому-нибудь из пассажиров, и шелудивый пес, который заглядывал этой бабке в глаза, надеясь на подачку.

Женщина с чемоданом вошла в вагон, и, словно ее ждали, тут же железнодорожник взмахнул флажком, раздался хриплый гудок, поезд дернулся, лязгнув буферами, как старик вставной челюстью, и станция медленно поползла мимо

окон — в небытие, из которого она вынырнула на минуту.

Молодая женщина выдохнула с облегчением. Ничего необычного, ничего, что могло бы ее насторожить. Она задернула занавеску, привычно покосилась на заветный чемодан, прилегла на нижнюю полку и прикрыла глаза.

Ехать оставалось еще почти сутки. Еще несколько таких безымянных станций, несколько сотен километров... Она все дальше от того опасного места, все ближе к большому городу, где так легко затеряться...

Вдруг дверь купе откатилась, и на пороге появилась та самая пассажирка, которая только что шла по перрону. Воротник плаща теперь был опущен, и можно было разглядеть ее в тусклом свете, льющемся из коридора.

Женщина на пороге была примерно такого же возраста, как она сама. Взгляд какой-то затравленный, испуганный...

— Привет! — проговорила новая пассажирка, попытавшись улыбнуться. — Это ведь третье купе?

— Третье, — молодая женщина тоже механически, одними губами улыбнулась в ответ.

— Значит, мы будем соседями.

— Выходит, так...

— Вы ведь тоже в Питер?

— А куда же еще...

— Может, на «ты»? Мы ведь примерно ровесницы.

— Хорошо, давай на «ты».

Новая пассажирка закинула свой чемодан на верхнюю полку. При этом рукав плаща сдвинулся, и стал виден синяк на запястье. Она испуганно оглянулась, поправила рукав, села, вымученно улыбнулась:

— Ты в Питер не первый раз?

— Не первый.

— А я — первый... хорошо хоть, есть где на первое время остановиться...

— Родня? — не слишком заинтересованно спросила пассажирка.

— Не то чтобы родня... племянница моей соседки согласилась меня приютить.

— А что ж ты так... считай, к чужим людям?

Попутчица вместо ответа быстро, настороженно взглянула, как испуганный зверек. И этот взгляд, и синяк на запястье, и вся ее повадка сложились в понятную картину.

— От мужа бежишь? — догадалась пассажирка.

Попутчица и сейчас не ответила, она закусила губу, отвернулась к окну.

— Да расслабься, не хочешь говорить — и не надо, — как можно спокойнее сказала пассажирка, — мне-то что, я человек посторонний...

В это время дверь купе снова откатилась, на пороге появилась излишне жизнерадостная, краснолицая проводница, проговорила нараспев, сильно окая:

— Девочки, чайку горячего не желаете?

Попутчица отвернулась. Первая пассажирка проговорила:

— Да, обязательно. Два стакана, с лимоном. Нет, три. И печенье, если есть.

— Как не быть! Сейчас принесу.

Когда дверь за проводницей закрылась, попутчица снова взглянула тем же взглядом испуганного зверька:

— Я не хочу чаю...

— Тебе нужно. Обязательно горячего и сладкого, с печеньем. Тебе сразу полегчает. Первое дело от стресса.

— И денег у меня не особо...

— Да брось ты, какие это деньги...

Проводница вернулась очень быстро — стаканы в красивых подстаканниках, темно-красный чай, какой бывает только в поездах, печенье...

Попутчица порозовела и отмякла.

— Ты права... — проговорила она, допивая первый стакан. — От мужа бегу. Сил моих больше нет...

— Что, нельзя было просто развестись? — осторожно спросила пассажирка.

— Ох, ты не представляешь, что он устраивал! Ревновал меня страшно — это раз...

— Что, было за что? — прищурилась пассажирка.

— Да нет, конечно! Вообще на других мужчин не смотрела! Ходила — глаза в пол, как мусульманка, глаза не красила, платком заматаюсь, юбка до полу...

— Тяжелый случай... Он что у тебя — совсем ненормальный?

— Сама не знаю... — попутчица поникла головой. — Когда замуж выходила — вроде нормальный был. Вежливый такой, предупредительный, ухаживал красиво. Это потом у него началось.

Она наклонила голову еще ниже, и тут вдруг слова полились из нее неудержимым потоком. Так бывает довольно часто: человек мучается, держит все в себе — и вдруг открывает душу перед случайным попутчиком. А что, в самом деле: вот доедут они до места, разойдутся и больше никогда друг друга не увидят.

Она говорила и говорила, низко опустив голову, и все вертела кольцо на пальце правой руки.

— Что ж ты кольцо не сняла, раз от мужа бежишь? Ведь его подарок небось...

— Вовсе нет! — Попутчица подняла голову. — Это бабушка мне подарила. Это кольцо у нас в роду хранится, от матери к дочери переходит. У бабушки сын был, мой отец, вот она мне и отдала его еще раньше, перед тем как умерла. Велела беречь, не терять и никому не отдавать. Оно простое совсем, серебряное, но фамильная вещь... Только велико мне немного, спадает...

Кольцо и правда было простенькое: тонкий ободок и две веточки переплетенные.

— Ты устала, — пассажирка погладила попутчицу по плечу, — давай-ка ложиться. Утро вечера мудренее.

— Так тетя Лика всегда говорит... — Глаза у попутчицы и правда слипались — очевидно, это реакция на стресс.

По очереди они сходили в конец коридора, чтобы привести себя в порядок перед сном. Возле туалета ошивался какой-то подозрительный тип, он посмотрел на пассажирку с интересом. Возможно, просто от нечего делать, от дорожной скуки.

Но все же перед тем как лечь спать, она зафиксировала дверь купе и для верности привязала ее полотенцем к металлической стойке. Попутчица посмотрела удивленно, но ничего не сказала.

Попутчица заснула сразу же, а она спала плохо, просыпалась от каждого подозрительного звука. Наконец окончательно проснулась, еще в темноте быстро проверила чемодан. Попутчица все спала, уютно посапывая, как ребенок.

Внезапно ей зверски захотелось есть. Тоже реакция на стресс, усмехнулась она в темноте.

Она оделась, вышла в коридор, дошла до вагона-ресторана, который работал.

Полусонный официант принес ей два черствых бутерброда с сыром и маленькую чашку крепкого кофе. Был седьмой час утра.

Она пила свой кофе маленькими глотками и смотрела в окно. За окном занимался рассвет.

Поезд шел по изгибу пути, и сейчас в окне была видна вся задняя часть состава.

И вдруг из одного окна выплеснулся язык пламени.

Она вскочила... это был ее вагон!

И там, в ее купе — чемодан... чемодан, в котором все... в котором ее будущее...

Официант тоже увидел огонь, заволновался.

Она бросила на стол деньги, схватила полотняную салфетку, выплеснула на нее воду из открытой бутылки, побежала в свой вагон.

По дороге ее пытались остановить ошалевшие проводники — туда нельзя! Там пожар... она отталкивала их — мне туда обязательно нужно! У меня там ребенок один остался!

Внезапно поезд резко тряхнуло, так что она едва удержалась на ногах, схватившись за поручень. Потом еще и еще, послышался жуткий скрежет, и поезд остановился. Из ближайшего купе донеслись изумленные крики пассажиров.

Наконец она добежала до своего вагона.

Коридор был полон дыма. Она обвязала лицо мокрой салфеткой, но дышать было все равно тяжело.

Навстречу попался задыхающийся, шатающийся мужчина с красными, выпученными глазами, скользнул по ней безумным взглядом, вылетел в тамбур.

Вот и ее купе... Она с трудом отодвинула дверь, которая стала отчего-то очень тяжелой. Внутри дыма почти не было, но свет не горел. Она искала чемодан в неверном свете сполохов огня, нашла его с трудом и тут споткнулась о тело попутчицы. Та лежала на полу в странной позе. Да что с ней такое? Упала с полки?

— Эй! — Она потрясла попутчицу за плечо. — Эй, что с тобой?

Внезапно глаза женщины открылись. Или ей показалось? Да нет, рука шевельнулась.

— Что, что такое? — прошептала попутчица.

В темноте блеснуло кольцо.

В потолок несколько раз ударили.

Лизхен тяжело вздохнула — опять старухе что-то понадобилось...

Бабка уже почти год не выходила из своей комнаты и два месяца не вставала с кресла, в котором и спала, и проводила все свои унылые дни.

Отец и старшие братья Лизхен были постоянно заняты в пекарне, мать обслуживала покупателей, и уход за старухой полностью лег на хрупкие плечи Лизхен.

Она только успевала поворачиваться — то принеси бабке воды, то вынеси за ней ночную вазу... а чуть зазеваешься — стучит в пол своей комнаты клюкой. И будет стучать, пока Лизхен не прибежит... хоть бы уж скорее ее прибрали черти!

Девушка нехотя вскарабкалась наверх по крутой лестнице, вошла в комнату.

В первый момент она испуганно попятилась.

Ей показалось, что в кресле, где обычно восседала бабушка, теперь сидит огромная черная ворона. Сидит по-хозяйски и смотрит на девушку пронизательным взглядом маленьких черных глаз...

Лизхен хотела перекреститься, но ворона злобно каркнула.

Тогда девушка зажмурилась...

Затем она снова открыла глаза...

Никакой вороны, разумеется, не было, откуда ей здесь взяться? Это была она, ее бабушка.

Старуха сидела прямо против двери и смотрела на внуку маленькими темными глазками, похожими на изюмины в воскресном штруделе.

Глазки-то изюмины, а сама старуха напоминала огромную старую ворону.

— *Что так долго? — прошамкала она своим беззубым ртом.*

— *Ну, что вам еще нужно, бабушка? — отозвалась Лизхен. — Снова воды или булку? Я же вам только что приносила...*

— *Нет, внученька! — Старуха состроила умильную физиономию. — Я хочу открыть тебе большую тайну... очень важную тайну... подойди поближе!*

«*Совсем с ума соскочила! — подумала Лизхен. — Выдумывает бог знает что...»* Однако любопытство пересилило лень и недоверие, и она приблизилась к креслу старухи.

И тут бабка неожиданно ловко ухватила ее своей скрюченной лапкой за ухо.

— *Вы что, бабушка? — взвизгнула Лизхен, безуспешно пытаясь вырваться. — Отпустите! Больно же!*

— *Молчи и слушай! — прошамкала старуха. — Я хочу отдать тебе единственную ценную вещь, которая у меня осталась. Самое дорогое, что у меня есть...*

— *Какую еще вещь... — пропыхтела Лизхен. — Да отпустите же меня наконец! Вы мне ухо оторвете!*

— *Ничего твоему уху не сделается! Слушай меня и запоминай! Когда меня не станет, сними с моего кресла подушку. Под ней будет дощечка, подними ее, и найдешь маленькую коробочку. В ней лежит*

кольцо. Того, кто владеет этим кольцом, ждет большое будущее. Ты сможешь вертеть мужчинами как захочешь и благодаря им поднимешься на самые верхние ступеньки...

— Ступеньки? — переспросила Лизхен. — Какие еще ступеньки?

Но старуха отпустила ее ухо.

— Не знаю ни про какие ступеньки! — прошамкала она и оттолкнула внучку. — Принеси мне вчерашний штрудель, я знаю, там, в пекарне, остался... не принесешь — скажу твоей матери, что ты украла у меня талер, припасенный на похороны.

— У, ведьма! — прошипела Лизхен и вышла из комнаты. — Надо же — кольцо! Да у нее в жизни ничего ценного не было!

Старуха проводила ее хитрым мстительным взглядом.

Той же ночью сверху донеслись какие-то странные звуки — будто там кто-то топал, хлопали крыльями большие птицы и передвигали что-то тяжелое.

Отец проснулся, поднялся наверх и через минуту вернулся мрачный:

— Мама умерла! Теперь сколько денег уйдет на похороны!

Вся семья поднялась наверх.

Старуха лежала на полу посреди комнаты, словно пыталась подойти к двери, но упала на полпути.

Фриц отправился за священником, отец с Гансом подняли старуху и понесли ее вниз, а Лизхен, дождавшись, пока все уйдут из бабкиной комнаты, подошла к ее креслу.

Она вспомнила последние старухины слова.

Что, если и правда у той было припрятано какое-то дорогое кольцо? Как она говорила... поднять с кресла подушку...

Подушка была мерзкая, пропахшая старостью и нечистотами. Лизхен брезгливо подняла ее двумя пальцами, бросила на пол.

Под подушкой на сиденье кресла и правда была какая-то дощечка. Лизхен подцепила ее ножом, подняла.

Внутри сиденья было углубление, а в нем — маленькая деревянная коробочка.

Надо же — старуха не соврала!

Оглянувшись на дверь, Лизхен открыла коробочку — и едва сдержала вздох разочарования.

Кольцо там и правда было, но очень скромное, явно недорогое.

Ни драгоценных камней, ни жемчужин. Оно было даже не золотое, а всего лишь серебряное.

Внутри по ободку было что-то написано.

И правда — откуда у старухи драгоценности?

— С паршивой овцы хоть шерсти клок! — глубокомысленно проговорила Лизхен и надела колечко на палец.

И почувствовала, как в ней просыпается незнакомая веселая сила... как там говорила старая ведьма? «Ты сможешь вертеть мужчинами как пожелаешь... ты поднимешься на самые высокие ступеньки...»

Только одна мысль червячком точила ее душу.

Если у старухи было это волшебное кольцо и если оно впрямь обладает такими удивительными свойствами — почему же сама бабка не достигла таких

высот, о которых она говорит? Почему она закончила свои дни на чердаке бедного дома?

Дашу разбудил звонок телефона. Точнее, про телефон она поняла только потом, а сначала в отвратительный тягучий сон вторглись громкие звуки, напоминающие церковный колокол, который звонит при пожаре. И это притом, что она понятия не имела, как именно звонит церковный колокол.

Сквозь сон мелькнула еще горькая мысль, что колокол звонит по ней, по Дарье Соловьевой. И тут же пропала, потому что Даша проснулась. Точнее, очнулась от забытья. И осознала, что в квартире раздается звон. Телефон? Не открывая глаз, она пошарила на тумбочке рядом с кроватью, что-то упало на пол, потом руке стало мокро, и еще что-то упало на пол, на этот раз с шумом.

И Даша наконец решилась и открыла глаза. Лучше бы она этого не делала, потому что перед глазами тут же заплясали красные мухи и в голове включился хороший такой механический молот, раньше таким забивали сваи. Когда Даша была маленькая, строили дом напротив, она помнит, как удары отдавались в ушах. Теперь, конечно, нет никакого молота, это у нее от таблеток.

Однако звон все продолжался, и Даша наконец поняла, что это звонит стационарный телефон. Странно, а она думала, что его давно отключили. А он звонит себе, да еще так громко.

Даша со стоном спустила ноги с кровати, потому что догадалась, кто это звонит. По этому телефону звонила только тетя Лика, ее далекая и единственная тетка. Нужно ответить.

Даша босой ногой стала нашаривать тапочки, вляпалась во что-то мокрое, и тут же ногу кольнуло. От боли она пришла в себя и увидела, что уронила стакан с водой, который разбился, и теперь она поранила ногу осколком.

— Черт, только этого не хватало!

Телефон, однако, все звонил и звонил, так что Даша, так и не найдя тапки, похромала в прихожую босиком.

— Дашка, ты? — тетя Лика почему-то всегда ужасно громко орала в трубку.

— А кто же еще-то... — проворчала Даша, голос с тяжелого сна был хриплый и какой-то чужой. Впрочем, в последнее время она вся была сама не своя, все тело казалось ей чужим и незнакомым.

Наверно, это от таблеток, которые так сильно на нее влияют. Но что делать, иначе она не может спать. Лежит всю ночь и тупо пялится в потолок. Или еще вспоминать начнет, какая у нее была раньше замечательная жизнь. И когда осознает, что все это кончилось и больше уже ничего не будет, — тут впору бежать в ванную и вскрывать себе вены. Или выбрасываться из окна.

Ага, учитывая, что живет она на четвертом этаже, максимум, что можно получить, — это переломы и сотрясение мозга. Нет, конечно, при большой удаче можно и в ящик сыграть, но, скорей

всего, останешься калекой на всю жизнь. Нет, уж такого ей точно не надо.

— Дашка, ты заснула там, что ли? — напомнила о себе тетя Лика. — Или еще не проснулась? Двенадцатый час уже, пора вставать!

Даша переступила ногами и снова ощутила боль, да еще и потекло что-то теплое по ноге. Она посмотрела вниз и едва не ахнула. Из спальни тянулся за ней кровавый след. Надо же было так порезаться...

— Что, что с тобой? — заволновалась тетка.

— Да я тут... — еще не хватало рассказывать тете Лике, что порезалась. Та разволнуется, начнет давать советы, а потом будет названивать каждые полчаса, этак покоя вообще не будет.

— Да ничего...

— А ничего, так и ладно! Я что звоню-то? Понимаешь, Аня ушла от мужа, то есть он так себя повел, что у нее просто выхода другого не оставалось!

«Какая Аня? — подумала Даша. — В жизни не слышала ни про какую Аню!»

— Дарья, ты меня лучше не зли! — Тетка отлично умела читать ее мысли. — Сто раз я тебе рассказывала, что соседка у меня Аня. Хорошая девочка, только вот с мужем ей не повезло. Мы с ней подружились за эти два года, что они тут живут, ну, после того как Михална умерла. Ну, вспомнила теперь?

До Даши с трудом начало доходить, что и правда, говорила тетка что-то такое про новых соседей. Что молодая пара въехала в полдома, осво-

бодившиеся после смерти соседки, с которой тетя Лика дружила много лет.

Даша и раньше-то не слишком вслушивалась в болтовню тетки, которая звонила ей раз в месяц и сообщала последние новости. Так они договорились, потому что тетка начала прихварывать и Даша волновалась, как она там у себя в Зареченске. Причем о своем здоровье как раз тетка говорить не любила, она вообще терпеть не могла ходить по врачам.

Раньше Даша очень волновалась за нее, звала к себе, чтобы устроить на медицинское обследование, потом со своими обстоятельствами ослабила контроль.

Обстоятельства... Даша помотала головой, чтобы отогнать плохие мысли. Тетка сразу почувствует ее настроение, начнет утешать... Хотя нет, утешать не станет, тетя Лика считает, что со всеми неприятностями нужно справляться с помощью работы. Причем физической. Ремонт в квартире сделать, к примеру, или на крайний случай два бака белья вручную перестирать.

— Ты еще машину дров предложи мне переколоть! — рассердилась тогда Даша. — Как будто у тебя там, в Зареченске, печное отопление и водопровода нету.

Сейчас тетя Лика помедлила немного в нерешительности, что с ней бывало нечасто.

— Дашуня, девочка моя! Войди в положение, помоги хорошему человеку!

Даша напряглась, она ведь тоже отлично знала свою тетку. Если тетя Лика сменила тактику — стало быть, и правда просит чего-то серьезного.

— Да говори ты толком! — рассердилась она, видя, что под ногой образовалась уже на плитке небольшая лужица крови. — Не тяни! Что нужно?

— В общем, так. Аня ушла от мужа, я уже говорила. Но так просто он ее не отпустит, это страшный человек, просто страшный! Он не даст ей ни покоя, ни свободы, так что ей нужно уехать. И сегодня ночью Виктор Палыч отвез ее к поезду. В Петербурге поезд будет завтра к вечеру. Встречать ее не надо, она сама дорогу найдет.

— Что-о? — Даша снова переступила ногами, оттого что стало холодно босиком.

— Ну да, я тебя очень прошу, приюти Аню хотя бы на несколько дней! Бедной девочке совершенно некуда идти! Она совсем одна! Ну, Дашка, ради меня, ладно? Ты все равно сейчас одна, так что места в квартире хватит, две комнаты все-таки... А она потом работу найдет, квартиру снимет, характер хороший, хлопот с ней точно не будет! Ну, согласна?

«Попробуй тут не согласиться», — подумала Даша.

— Ну-у...

— Вот и ладушки! — обрадовалась тетя Лика. — Знала, что ты не откажешь! Мы, женщины, должны помогать друг дружке в трудную минуту! Аня милая такая, вы непременно подружитесь! Будете вечерами чай вместе пить, болтать о своем,

о девичьем, тебе подруга не помешает, хоть отвлечешься!

«Угу, — подумала Даша, — вот как раз подружки мне только и не хватает...»

Она горько улыбнулась про себя.

Нет уж, теперь никогда у нее не будет близкой подруги! Хватило уже, нахлебалась по полной программе! Будут приятельницы, с которыми ни за что откровенничать она не станет. А пока вообще никого не хочется видеть, ни с кем не хочется общаться.

— Значит, завтра вечером поезд прибывает в девять часов! — твердила свое тетя Лика. — Ну, пока там... в общем, жди Аню к десяти. Ты не думай, — тетка понизила голос, — она простая такая, стесняться ее не надо, ей бы спальное место, да чашку чаю утром — она и рада будет... Спасибо тебе, Дашутка, что вошла в положение!

— Да ладно, раз ты за нее просишь... Но ненадолго...

— Ага, ага, тут еще вот какое дело! — перебила ее тетка. — Аня паспорт-то взяла, денег сколько-то, а остальные документы не смогла. Так я на работе у нее трудовую книжку получу, диплом опять же достану, она сказала, где лежит, и вышлю на твой адрес заказным письмом, ладно?

— Ладно... — Даша пожала плечами, и тетка наконец отсоединилась.

Даша взглянула на ногу, тихонько охнула и похромала в ванную. Там она долго отмывала ногу, искала пластырь, не нашла, так что пришлось залить рану йодом и забинтовать. Повязка все

время сползала, к тому же пару раз она вляпалась тапочками в кровавую лужу и едва не поранила еще и руку, убирая осколки стакана. С чего это ей вздумалось оставлять стакан с водой рядом с кроватью? Не было сил отнести на кухню? Она ничего не помнила.

Так всегда у нее бывает от таблеток, она от них дуреет, хуже чем от спиртного. В будние дни все-таки держит себя в руках, поскольку на работу вообще рано не встать, но за неделю так измучается, не спавши, что едва дотерпит до пятницы.

И все выходные бродит она по квартире как сомнамбула, невытая и непричесанная, либо валяется на диване в гостиной, тупо пялясь в экран телевизора и переключая каналы.

Пластырь нашелся не в аптечке, а в ящике письменного стола — интересно, как он там оказался? Но Даша наконец приняла душ и заклеила рану, после чего решила выпить кофе, чтобы окончательно проснуться.

Первый сюрприз поджидал ее в буфете. Кофе не было. Кончилось все: капсулы для кофеварки, молотый кофе для кофейника и для обычной турки. В конце концов она разыскала пару пакетиков растворимого, залила это безобразие кипятком, но не было сливок, так что пришлось положить сахар... нет, так жить нельзя!

Вытирая кровавую лужу в прихожей, она мимоходом поглядела на себя в зеркало и ужаснулась. «Краше в гроб кладут!» — сказала бы в таком случае тетя Лика, и в данный момент Даша не могла с ней не согласиться.

Смотреть на то, что отражалось в зеркале, было противно. Одутловатое лицо, желтая несвежая кожа, щеки висят, как у соседского бульдога, волосы прилипли к этим щекам безжизненной папкей. Господи, да ей всего двадцать девять лет, а в зеркале отражается сорокалетняя тетка с трудной судьбой, у которой не было в жизни ничего хорошего, да и не ждет она в будущем тоже никаких пряников.

Это неправда, тотчас сказала себе Даша, было у нее в жизни хорошее, и много. Целых три года, точнее почти четыре, с тех пор как они познакомились с Владиком.

Это он так поставил с первой же встречи, когда представился ей Владимиром. И тут же твердо сказал, чтобы никаких Вовочек, Вовусиков и Вовастых, он этого терпеть не может. Володей можно...

Уже потом, когда женаты были, как-то друг его школьный по пьянке проболтался. Фамилия Владимира была Блохин, поэтому в школе его дразнили Вовастый-Блохастый. Даша тогда посмеялась про себя, но мужу не стала говорить, что про кличку знает. И придумала ему свое имя — Влад, Владик...

Как она его любила... как же она его любила!

Первое время сердце замирало даже не тогда, когда его видела, а просто от пустякового сообщения. Когда познакомились совершенно случайно на дне рождения у сотрудницы, она сразу поняла, что этот парень — ее единственный человек.